

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10-й год издания

№ 7

Июль 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2014

Петр Алексеев—русский рабочий-революционер (1849—1891)

Петр Алексеев — первый русский рабочий-революционер, который в мрачные годы царизма, в период господства народнических теорий в России, высказал мысль о том, что самодержавие будет свергнуто борьбой рабочего класса. Своей практической революционной деятельностью и знаменитой речью на суде Петр Алексеев нанес чувствительный удар народническим теориям, отрицавшим историческую роль пролетариата в России. Жизнь, до краев заполненная борьбой за дело рабочего класса, — такова жизнь замечательного русского рабочего-революционера.

Петр Алексеевич Алексеев родился 14 (26) января 1849 года в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Нищенский надел, полученный его отцом после реформы 1861 года, не мог прокормить многочисленную семью. Ничтожны были и заработки от отхожего промысла (рубка леса, извоз), к которому вынужден был прибегнуть отец Петра. Еще подростком Петра Алексеева отправили «с хлеба долой на заработки» в Москву, на ткацкую фабрику, чтобы избавиться от лишнего рта. Работая на фабрике, П. Алексеев испытал рабские условия труда на русских предприятиях. «...продавца капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, — говорил он впоследствии на суде, — поступаю под присмотр взрослых, которые розгами и палками приучают нас к непосильному труду; питаем кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим где попало, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов...» («Рабочее движение в России в описании самих рабочих», стр. 23. Изд. «Молодая гвардия». 1933).

В этой обстановке у Петра Алексеева рано появляется затаенная ненависть к капиталистам-эксплоататорам. Учащаются стычки с администрацией фабрики, начинаются поиски «лучших хозяев». В 1872 году Петр Алексеев переезжает в Петербург, где поступает на фабрику Торнтона. Но и в Петербурге не лучше чем в Москве.

Крепкий организм Алексеева выдерживает эти нечеловеческие условия существования. Алексеев находит даже время для самобразования. Несмотря на то что только в 17 лет он научился грамоте, он читает серьезные книги, интересуется газетами и журналами. В рабочих артелях Алексеев беседует с рабочими по волнующим каждого вопросам. Он становится ярым врагом эксплуататоров-капиталистов.

Его пропагандистские способности и ненависть к самодержавию вскоре были замечены посещавшими рабочую артель пропагандистами-народниками, искавшими среди рабочих подходящих людей для революционной деятельности среди крестьянства. Алексеев связывается с пропагандистским кружком Синегуба за Невской заставой. Он знакомится с подпольной литературой, читает о Парижской коммуне, о революционном движении на Западе. Он встречается с видными рабочими-революционерами (Обнорским и др.).

В конце 1874 года Алексеев жил в Воздвиженской рабочей артели, состоявшей преимущественно из заводских и железнодорожных рабочих. Много труда было им вложено в дело организации там рабочего кружка. Он уже тогда относился с недоверием к народнической пропаганде и к интеллигентам-революционерам, смотревшим на рабочих только как на проводников народнической пропаганды в крестьянской массе и не признававшим за рабочим классом его исторической миссии — освобождения народа от феодально-капиталистического гнета. Джабадари, один из пропагандистов-интеллигентов, вспоминал о Петре Алексееве: «Несмотря на его малую интеллигентность, нетрудно было заметить даже при первом знакомстве выдающуюся силу характера в нем, довольно словоохотливый в своей среде, он проявлял необыкновенную сдержанность в теоретических спорах с нами, только изредка вставляя какие-нибудь иронические замечания; каждому из нас казалось, что он относится к нам с недоверием и это немало озадачивало нас, так как в центральном рабочем ядре он должен был занять видное место» («Взгляд» № 9 за 1907 год).

С народниками у Алексеева стычки бывали часто. Но он находил в народнической среде интеллигентов, глубоко преданных идее революционной борьбы с самодержавием, и высоко ценил просветительскую работу народников среди рабочих.

В конце ноября 1874 года в Петербурге происходили повальные аресты революционеров. Алексеев был вынужден переехать вновь в Москву. Здесь он развернул личную деятельность. Он организовал рабочие кружки, привлекая туда своих старых знакомых, наиболее способных рабочих (Семена Агапова, Николая Васильева), обучал их пропагандистской деятельности, объяснял им политические задачи, стоящие перед рабочим классом.

Ленин высоко оценил работу кружка Петра Алексеева. Он назвал его «кружком корифеев», которому стали доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса» (Ленин. Т. IV, стр. 442—443).

В декабре 1874 года в Москве был организован пропагандистский кружок из интеллигентной молодежи, вернувшейся из Швейцарии (Бардина и др.). Петр Алексеев связался с ним для совместной пропагандистской работы. В феврале 1875 года он принял участие в выработке вместе с ним устава «Всероссийской социально-революционной организации». Эта организация ставила себе задачу пропаганды в России западноевропейских социалистических учений. За ее двухмесячное существование были охвачены пропагандой около 20 фабрик и ряд мелких кустарных мастерских: столярные, слесарные, кузнечные и железнодорожные.

Алексеев руководил основным пропагандистским кружком и деятельно вербовал рабочих в кружки. Он скрывался от преследований полицейских сыщиков и вынужден был часто менять место работы. Где бы он ни работал, везде вскоре возникали рабочие кружки, распространялась нелегальная литература. Полиции Алексеев казался неуловимым. Он удачно скрылся с фабрики Тимашева ночью, когда там производился обыск, но совершенно случайно через несколько дней (4 апреля 1875 года) был арестован. Готовясь уехать в Иваново-Вознесенск на нелегальную работу, он явился на квартиру Корсака, где находились члены организации, и там попал в полицейскую засаду.

Последовавшие после этого обыски и аресты привели к разгрому всей организа-

ции и всех рабочих кружков, созданных Петром Алексеевым.

Почти 2 года находился Петр Алексеев под судебным следствием в доме предварительного заключения в Петербурге. За это время он успел много прочесть. В тюрьме у него еще более укрепилась вера в правоту его дела, вера в конечную победу рабочего класса.

Наконец 30 ноября 1876 года он был предан суду особого присутствия Сената по обвинению в составлении и участии «в противозаконном сообществе, имевшем целью в более или менее отдаленном будущем ниспровержение и изменение порядка государственного устройства», и «в распространении печатных сочинений, имевших целью возбудить к бунту...» По этому делу привлекались к судебной ответственности 50 человек, арестованных в разное время и в разных местах Российской империи.

«Процесс пятидесяти» начался 21 февраля 1877 года. Зал Петербургского окружного суда был переполнен интеллигентной публикой и видными государственными чиновниками. Судья предложил Алексееву выбрать себе защитника, но Алексеев отказался.

«Что мне защитник?—заявил он.—Какой смысл имеет защита, когда всякому известно, что в подобных процессах приговор суда бывает составлен заранее, так что весь этот суд есть не более, как комедия: защищайся, не защищайся, все равно. Я отказываюсь от защиты».

На суде Алексеев держал себя с достоинством подлинного революционера. Он отказался от показаний. Частыми репликами

он сбивал и запутывал судей, которые и без того не могли свести концы с концами. Прокурор считал всех подсудимых членами одной организации. Неудачность этого обвинения была доказана полностью. Оставившись в обвинительной речи на «преступлениях» каждого из подсудимых, прокурор особенно подчеркнул «преступление» Алексеева, который, по его словам, «может быть назван первым распространителем книг преступного содержания среди рабочих» («Процесс 50-ти», стр. 123. Изд. Саблина. 1906).

Прокурор тогда еще не считал Алексева столь опасным для «общественного порядка» империи, каким он показался ему после «защитительного слова».

10(22) марта Алексеев произнес свое «последнее слово», свою замечательную историческую речь, в которой он сжато дал талантливый анализ положения рабочего класса в России 70-х годов прошлого столетия. «Мы, миллионы людей рабочего населения,— начал свою речь Алексеев,— чуть только станем ступить на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения.

Десяти лет мальчиками нас стараются проводить с хлеба долой на заработки.

Что же нас там ожидает?» («Рабочее движение в России в описании самих рабочих», стр. 23). И Алексеев рассказывает о всех ужасах и лишениях, которые приходится испытать рабочему-подростку на капиталистической фабрике. «И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти?»—спрашивает он судей. «Самые лучшие для рабочих из московских фабрикантов — и те сверх скудного заработка эксплуатируют и тиранят рабочих...» (там же, стр. 24).

Угнетение и лишение всех прав на культурное развитие, говорил Алексеев, отсутствие полезных и доступных книг, политическое бесправие делают жизнь рабочего невыносимой. И торчешью пронизаны слова: «...в России походить на рабочего — то же, что походить на животное».

Голос Алексева крепчал, становился все громче и громче: «Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство?» Все это, заключает Алексеев, показывает, что русские рабочие — крепостные, такие же, какими были они и до реформы 1861 года. И никакие царские реформы не смогут этому помочь. «... русскому рабочему народу,— закончил он свою промовую речь

при испуганных возгласах председателя, — остается только надеяться на себя и ни от кого не ожидать помощи, кроме как от одной нашей интеллигентной молодежи...

Председатель (вскакивает и кричит): Молчите, замолчите!

Петр Алексеев (возвысив голос, продолжает): ...и она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (говорит, подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда...

Председатель (волнуется и, вскочив, кричит): Молчать! Молчать!

Петр Алексеев (возвышая голос): .. и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!» (там же, стр. 26—27).

Речь произвела потрясающее впечатление. Не только публика и судьи-сенаторы, но даже часовые и жандармы как будто окаменели. Один из адвокатов — участников процесса — говорил: «Я уверен, что если бы Алексеев после речи повернулся и вышел, его в первую минуту никто бы не остановил, до того все растерялись». «Новая сила народилась», — говорили многие, выходя из зала заседаний. Канцлер князь Горчаков, по слухам, выражал сожаление, что правительство допустило этот суд. Но ошибку уже было поздно исправлять.

Речь Петра Алексева пронеслась громовым раскатом далеко за пределы зала. Она была отпечатана в тайной типографии и быстро распространена. Выступление Петра Алексева указывало всем на огромную силу, которая таится в народившемся рабочем классе и которую до того совершенно игнорировали. Эта речь пользовалась огромной популярностью не только в 70-х годах: она и позже долго оставалась в арсенале подпольной революционной литературы.

За свою речь Алексеев навсегда лишился свободы. Царский суд отомстил ему, приговорив его «лишить всех прав состояния и сослать в каторжные работы в крепостях... на 10 лет».

После процесса Алексеев до отправки в Сибирь томился 3 года в разных тюрьмах. Нигде он не прекращал борьбы с царизмом. В новобелгородской каторжной тюрьме, близ Харькова, он в 1878 году в знак протеста против издевательств тюремщиков над заключенными провел с товарищами голодовку. Его перевели в харьковскую губернскую тюрьму, а затем — в мценскую пересыльную тюрьму. В тюрьме Алексеев несмотря на каторжный режим много читал.

Весной 1881 года, после убийства Александра II, усилились репрессии против революционеров. Алексева отправили на каторгу в Сибирь. В иркутской тюрьме его

видел В. Г. Бороленко. Писатель отметил обаяние, которым пользовался этот «коренастый, сильный человек» в революционной среде. В начале зимы Алексеева отправили из Иркутской тюрьмы за Байкал, в карийскую каторжную тюрьму (Нерчинский округ, Забайкальской области). И тут Алексей не переставал мечтать о революционной деятельности. Он задумал побег, но осуществить свое намерение ему не удалось. Незадолго до этого бежавший пародоволец Мышкин был пойман недалеко от китайской границы, и надзор тюремщиков за заключенными революционерами усилился.

В 1888 году кончился срок заключения Алексева. Его отправили на поселение в Сасынский наслег (сельское общество), Баянтайского улуса (волости), Якутской области, в 300 километрах северо-восточнее Якутска. Через 4 года Алексей был переведен в Жулейский наслег, Бутурусского улуса. Он жил в юрте, имел небольшой огород, служивший ему единственным источником пропитания.

Томительно текли дни. «...Я чувствую себя одиноким среди людей», — писал Алексей из Сибири («Баторга и ссылка» № 5 за 1927 год, стр. 166). Он мечтал написать о себе повесть под названием «Оторва» и хранил для этой цели тетрадь в 900 страниц. Оторванный от всего живого, от революционной деятельности, томимый жаждой борьбы, он мечтал о победе и стал экономить для этого деньги. Но его мечте не суждено было сбыться. 16(28) августа 1891 года, в день, когда Алексей собирался ехать в Якутск для подготовки к побегу, он таинственно исчез.

Это событие взволновало население Жулейского наслега. Догадки ни к чему не приводили. Как-то на вечеринке в среде сородичей якут Егор Абрамов, забравшись в угол юрты, запел песню о «богатырях-якутах», которые победили «русского богатыря силы необыкновенной». «Лежит он бездыханный в дремучем лесу и никогда больше не встанет».

Поселенец Пекарский, приехавший на розыски своего исчезнувшего друга в Жулейский наслег, услышал эту песню и заподозрил неладное. Егора Абрамова обыскали. На его одежде были обнаружены слезы застывшей крови. И Егор Абрамов был вынужден сознаться. 16 августа 1891 года, узнав, что Алексей собирается ехать в Якутск, он с другим соседом Алексева, Федором Сидоровым, решил его отравить. Они заманили Алексева в лес на охоту и напали на него. Раненый Алексей свалил с ног одного из грабителей, но другой наскочил на Алексева сзади и крошил его ножом. Преступники разрубили труп на куски и бросили в овраг.

Так в глухой тайге погиб от руки разбойников знаменитый русский рабочий-революционер Петр Алексеев.

Алексеева уже давно не было в живых, но полиция долго еще мерещилась пугавший ее образ рабочего-революционера. После исчезновения Алексева директор департамента полиции П. Дурново приказывал всем полицейским властям принять меры к его аресту. «Алексеев, происходя из простого звания, обладая природным умом и бесспорным даром слова, представляет собою вполне законченный тип революционера-рабочего, закоренелого и стойкого в своих убеждениях, и едва ли после побега удовольствуется пассивной ролью, а напротив воспользуется обаянием своего имени в революционной среде и несомненно перейдет к активной деятельности, которая может оказаться, в особенности же в пределах империи, весьма вредною для общественного порядка и безопасности», — писал Дурново («Былое» за октябрь 1907 года, стр. 113—114). Стойким революционером был Петр Алексеев до конца своей жизни. Никто не мог сломирить его веру в силу рабочего класса. И после своей смерти Алексей внушал страх блюстителям «общественного порядка и безопасности» Российской империи.

Революционная деятельность Петра Алексева не пропала даром: его опыт пропаганды среди рабочих и организации рабочих кружков служил примером для ряда поколений рабочих-революционеров.

Речь Алексева выдержала много изданий. Пекарский в своих воспоминаниях говорит, что «отпечатанные нелегально от тиски речи Алексева распространялись среди тогдашней молодежи и зачитывались в буквальном смысле слова до дыр» («Былое» № 19 за 1922 год, стр. 81). В цитированном выше циркуляре об аресте Алексева Дурново писал: «...речь весьма возмутительного содержания... впоследствии была отлитографирована и напечатана за границей и даже до сего времени обращается в революционной среде, служа излюбленным орудием пропаганды». Во время стачки на Новой бумагопрядильне в 1879 году Моисеенко распространял речь Алексева среди рабочих.

В 1889 году Плеханов написал предисловие к брошюре «Речь Алексева». Он остановился на отзыве Алексева об «интеллигентной молодежи», на которую последний возлагал большие надежды. Плеханов указывал, что между революционерами из «интеллигентной молодежи» есть «много таких господ, что прямо говорят против рабочего класса... другие... прибавляют, что все рабочие очень глупы и необразованны, а потому и внимания на них обращать не стоит». Плеханов призы-

вал рабочих отомстить этим «неумным господам» «презрением за презрение». Он указывал, что следует пользоваться поддержкой лишь тех революционеров из интеллигентной молодежи, которые целиком перешли на сторону рабочих. Только к ним «вполне может быть применено все сказанное Петром Алексеевым об «интеллигентной молодежи»» (П. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 115—116. Госиздат. 1923).

Это разъяснение Плеханова не понравилось многим интеллигентам и вызвало большое возбуждение в среде русской революционной эмиграции. В разгоревшейся полемике Плеханов разоблачил либеральных интеллигентов, выдававших себя за революционеров. Например Буруев и Жук, заправили органа либеральной интеллигенции «Свободная Россия», требовали «обойтись без рабочих», третировали рабочих как предателей, неспособных к политической борьбе.

Клара Цеткин поместила в немецком «Социал-демократе» от 22 марта 1890 года большую корреспонденцию «Из русского движения», где она подробно изложила предисловие Плеханова к брошюре «Речь Алексеева».

Большое значение придавал революционной деятельности Петра Алексеева В. И. Ленин. Не раз Ленину приходилось сражаться с легальными марксистами и экономистами, которые с пеной у рта утверждали, что рабочим кружкам вообще недоступны политические задачи. Ленин выставлял как наглядное опровержение этого взгляда кружок Петра Алексеева.

В 1900 году Ленин писал в статье «Насущные задачи нашего движения»: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного. И только тогда исполнится великое пророчество русского рабочего революционера Петра Алексеева...» (Ленин. Т. IV, стр. 59).

Такая партия была вскоре создана — партия большевиков, партия Ленина — Сталина. Под ее руководством в октябре 1917 года поднялись миллионы рабочего люда и ярмо деспотизма разлетелось в прах. Великое пророчество исполнилось.

